

На правах рукописи

Борисова Надежда Владимировна

**ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И
ЯЗЫКОВЫХ РЕЖИМОВ В СЛОЖНОУСТРОЕННЫХ ПОЛИТИЯХ**

Специальность 23.00.02 – «Политические институты, процессы и технологии»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Казань - 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный консультант:

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, профессор кафедры политический наук ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты:

Малинова Ольга Юрьевна, д.филос.н., профессор, профессор департамента политики и управления ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Поцелуев Сергей Петрович, д.полит.н., доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Прохоренко Ирина Львовна, д.полит.н., заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Защита состоится 8 октября 2021 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета КФУ.23.01. при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35, ауд. 1607

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, 35).

Сведения о защите, автореферат и электронная версия диссертации размещены на официальных сайтах ВАК РФ (<http://vak2.ed.gov.ru/>) и Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://www.kpfu.ru>).

Автореферат разослан «____» 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

В.Ю. Дубровин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Разворачивание, усиление требований права использовать родной для этнической группы (меньшинства) язык как в частной, так и публичной сферах политизируют язык. Что позволяет обнаруживать «борьбу за язык» и как она связана с борьбой за власть и политическими взаимодействиями? Наиболее простым и распространенным в исследовательской литературе способом обнаружения феномена «борьбы за язык» является обращение к анализу этнополитических конфликтов, в которых язык как маркер этничности выступает в качестве ресурса политической борьбы. При анализе лингвистически обусловленных политических конфликтов внимание сфокусировано, как правило, на характеристики языковых требований и/или характеристике содержания языковой политики, преимущественно с точки зрения разрешения такого конфликта и удовлетворения требований относительно прав языковых меньшинств. Предметом исследования в таком случае является языковая политика и как причина, и как результат конфликта. Речь идет об исследованиях языковой политики, акцентирующих, как правило, внимание на вопросе *о содержании* языковой политики для обеспечения реализации индивидуальных и/или групповых языковых прав и прав меньшинств.

Но «борьба за язык» может быть политическим спором относительно статуса и позиций не только миноритарных, но и мажоритарных языков, а, значит, касаться прав не только языковых меньшинств, но прав и интересов большинства. Здесь важным является понимание того, что понятие языкового меньшинства и большинства в территориальном отношении относительно. Например, русские в Российской Федерации, безусловно являются большинством, составляя 77,71 %¹. В свою очередь, татары составляют только 3,72%. В Татарстане они являются титульной и доминирующей группой, составляя 53,15%, в то время как доля русских – 39,65%. Еще больший разрыв между размером титульной для субъекта РФ группой и русскими, а также другими этноязыковыми группами, характерен для республик Северного Кавказа. Вариативность позиций языка с точки зрения количества его носителей в территориально-пространственном измерении позволяет иначе рассматривать как ситуации «борьбы за язык», так и содержание, структуру и логику языковой политики. В этом отношении критически важным представляется рассматривать «борьбу за язык» еще и как действия, сопряженные с задачами политico-институционального обеспечения

¹ Здесь и далее данные указаны: Всероссийская перепись населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.07.2018)

устойчивости политии. Речь идет о комплексном исследовании политико-институционального обеспечения устойчивости и территориальной целостности государства и разрешения этнополитических конфликтов, которые в лингвистически фрагментированных и институционально сложноустроенных политиях обусловлены публично-правовым статусом языка и позитивным или негативным его восприятием в обществе.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о политико-институциональных способах и механизмах обеспечения устойчивости и территориальной целостности государства, как правило, обсуждается в работах, посвященных федерализму и процессам федерализации. Дж. МакГарри и Б. О'Лири в работе «Федерации как метод урегулирования этнических конфликтов», определяя федерализацию как «макро-метод управления различиями»², обращают внимание на то, что она работает на обеспечение стабильности в обществе, поскольку удовлетворяет требования этнических миноритарных групп об институционализации самоуправления и со-управления. Вопрос о механизмах разрешения этнических конфликтов в федеративных государствах обсуждался в целом ряде исследований. М. Фарукшин указывает на то, что при решении этнических конфликтов «этнический федерализм и его институты могут играть как положительную роль, так и нести с собой риск поставить под угрозу целостность государства»³. Ж. Эрк и Л. Андерсон в статье «Парадокс федерализма: обеспечение самоуправления или усиление этнической гетерогенности» на примере стран с высоким уровнем этнолингвистической и религиозной фракционализации показывают роль федерализма в обеспечении территориальной целостности. Они отмечают, что федерализм посредством признания прав этнолингвистических и /или религиозных меньшинств предотвращает сепаратизм. Но вместе с тем, даже формальное признание этнолингвистического разнообразия способствует усилиению сепаратистских настроений в обществе⁴. Иными словами, эффекты федерализма имеют амбивалентные эффекты для территориальной целостности политии. Я. Гай в статье «Автономия как стратегия распространения конфликта» пишет, что самоуправление, работая на интеграцию политии, является инструментом снижения уровня этнополитической конфликтогенности, во-первых, и

² McGarry J., O'Leary B. Federation as a method of ethnic conflict regulation // From power sharing to democracy: Post-conflict institutions in ethnically divided societies / Ed. by Noel S. – McGill-Queen's University Press, 2005. – P. 263-296

³ Фарукшин М.Х. Институциональные основы этнических федераций // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 104.

⁴ Erk, J., Anderson, L. The paradox of federalism: does self-rule accommodate or exacerbate ethnic divisions? // Regional & Federal Studies. – 2009. – Vol.19. – № 2. – P. 191-202

обеспечения взаимодействия между центром и регионом, во-вторых⁵. В этой же логике можно рассматривать и роль языковой политики в обеспечении территориальной целостности.

Исследования, посвященные языковой политике, многочисленны и разнообразны. Во-первых, это исследования, посвященные языковой политике, ее направленности и содержанию, особенно в сфере образования. Наиболее значимые из них работы известных зарубежных социолингвистов второй половины XX в. – начала XXI вв. Х. Клосса, Дж. Фишмана, Р. Купера и др.⁶ В отечественной социолингвистике камертоном в научном знании о языковой политике, ее разновидностях и условиях реализации являются работы А. Швейцера⁷, Н. Вахтина и Е. Головко⁸, внесших существенный вклад в изучение и теоретическое осмысление языковой политики. Общим для современной политической науки и социолингвистики является представление о языковой политике как о системе мер, реализуемой государством и направленной на регулирование практик использования языка(ов) обществе⁹. Исследователи выделяют различные критерии для ее

⁵ Ghai Y. Autonomy as a Strategy for Diffusing Conflict // International Conflict Resolution after the Cold War / P.C. Stern and D. Druckman (eds). – Washington, D.C: National Academy Press, 2000. p. 483

⁶ Kloss H. The American Bilingual Tradition. – Rowley, 1977; Reprint: Washington, 1998; Fishman J.A. The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society. – Newbury House Publishers, 1972. 250 p.; Cooper R.L. Language Planning and Social Change. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 216 p.; Wright S. Language Policy and Language Planning. From Nationalism to Globalisation. – Palgrave Macmillan, 2003. 328 p.; Johnson D.C. Language Policy: Research and Practice in Applied Linguistics. – Palgrave Macmillan, 2013. 308 p.; Tollefson. J. W. Planning Language, Planning Inequality: Language Policy in the Community. – London: Addison-Wesley/Longman, 1991. 234 p.; Language Policies in Education: Critical Issues (2nd edition) / Ed. by Tollefson J. W. – New York: Routledge, 2012.; Medium of Instruction Policies: Which Agenda? Whose agenda? / ed. by Tollefson J., Tsui A. – Taylor & Francis e-Library, 2004. 312 p.; Spolsky B. Language Policy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

⁷ Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М., 1977.

⁸ Вахтин Н., Головко Е. Социолингвистика и социология языка: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2004. 336 с.

⁹ Kloss H. The American Bilingual Tradition. – Rowley, 1977; Reprint: Washington, 1998; Швейцер А. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М., 1977; Мустафина Д. Региональные языки: российский и европейский опыт языковой политики // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. URL: <http://addnt.ru/regionalnye-yazyki-rossijskij-i-evr/> (проверено: 15.12.2016); Хашимов Р. Очерки по зыковой политике и культуре. Елец, 2003. 120 с.; Цыбденова Б. Понятия «языковая политика» и «языковое планирование» в отечественной и американской социолингвистике // Сохранение и развитии языков и культур коренных народов Сибири. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2016; Мухаряров Н. М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Редакция: И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, Е.В. Морозова, В.И.

характеристики и классификации. Для зарубежных исследований наиболее значимой оказалась «схема классификации языковой политики» Х. Клосса¹⁰, базовым критерием которой является направленность и результативность политики с точки зрения обеспечения прав носителей языка и языковых меньшинств. Ставшая классической классификация А.Д. Швейцера более сложна и включает критерии, позволяющие не только характеризовать языковую политику по ее направленности, но и по тому, кто выступает в качестве ее субъекта¹¹. Логика, предложенная Швейцером, находит продолжение в работах Д.Ю. Гулинова¹² и А.А. Каневского¹³. Среди современных зарубежных исследователей особо следует выделить работы британского социолингвиста К. Уильямса, который последовательно показывает, как происходит содержательное изменение языковой политики в зависимости от ее субъектного состава¹⁴. Именно вопрос о субъектном составе языковой политики представляется интересным с политологической точки зрения. Так Н.М. Мухаряров предлагает различать «языковую политику» и «политику языка» как связанные между собой политический курс и политическую борьбу по поводу языка¹⁵. Сходной позиции придерживается Г. Сзербхорват, обращаясь к политическим спорам вокруг прав этноязыковых групп в бывшей Югославии¹⁶.

Большую группу исследований составляют работы, посвященные изучению языковой политики в разных странах, в том числе отличающихся

Пантин, И.Л. Прохоренко, Л.А. Фадеева. – М.: Весь мир, 2017. С. 691-699; *Gadelii K. Language Planning: Theory and Practice. Evaluation of Language Planning Cases Worldwide.* – UNESCO, 1999; Каневский А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. – 2015. – № 4(71); Клоков В. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. – Саратов, 1992.

¹⁰ Kloss H. The American Bilingual Tradition. – Rowley, 1977; Reprint: Washington, 1998.

¹¹ Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М., 1977. 208 с.

¹² Гулинов Д.Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.филол.н. – Волгоград: Типография Издательства ВГСПУ «Перемена», 2015. 40 с.

¹³ Каневский А.А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. – 2015. – № 4 (71).

¹⁴ Williams C. Language Policy and Planning Issues in Multicultural Societies. // Understanding the Quebec Question / ed. by Larrive'e P. – Basingstoke: Palgrave, 2003; Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. – 2013. – № 1. – Vol. 23. – P. 101-122.

¹⁵ Мухаряров Н.М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Редакция: И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, Е.В. Морозова, В.И. Пантин, И.Л. Прохоренко, Л.А. Фадеева. – М.: Весь мир, 2017. С. 691-699.

¹⁶ Szerbhorvath G. Language Politics and Language Rights on the Territory of Former Yugoslavia the Today's Serbia/Vojvodina // European and Regional Studies. – 2015. – № 8. P. 57-72

этническим разнообразием. Это работы по языковой политике в странах Европы на национальном уровне¹⁷, а также характеризующие роль Европейского союза в решении вопросов защиты статуса миноритарных языков и/или обеспечении позиций официальных языков ЕС, особенно английского¹⁸. Многочисленны работы, посвященные изучению отдельных случаев реализации языковой политики на региональном уровне в странах современной Европы, а также в России. Авторы этих работ рассматривают языковую политику как политический курс с нормативных позиций. В отдельных из них ставится вопрос о связи между языковой политикой и

¹⁷ См., напр.: Agarin T. Flawed Premises and Unexpected Consequences: Support of Regional Languages in Europe // Nationalism and Ethnic Politics. – 2014. – № 3. – Vol. 20. – P. 349–369; Arzoz X. The Impact of Language Policy on Language Revitalization // Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. – Springer International Publishing, 2015; Busch B. Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue // Education As Change. – July 2013. – № 2. – Vol. – 17. – P. 209-218; Асиновский А. Государство и их языки (опыт России и европейских стран в области языковой политики и языкового строительства). Аналитическая записка. URL: <http://rus-gos.spbu.ru/index.php/article> (проверено: 11.10.2016); Фарукишин М. Статус официальных языков этнических общин в полиглоссических государствах // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 77-87; Мустафина Д.Н. Региональные языки: российский и европейский опыт языковой политики // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. URL: <http://addnt.ru/regionalnye-yazyki-rossijskij-i-evr/> (проверено: 15.12.2016).

¹⁸ Gazzola M. Is the European Commission’s de Facto Language Regime Effective? An Empirical Assessment // The 24th World Congress of Political Science, RC50 The Politics of Language // Language Regimes: Case Studies and Theoretical Understandings. – Poznań, 2016. P. 1-27; Van Parijs Ph. Lingua franca and linguistic territoriality. Why they both matter to justice and why justice matters for both. // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – 2015. – № 18(2). – P. 224-240; Wright S. What is Language? A response to Philippe van Parijs. // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – 2015. – № 18(2). – P.113-130.

разрешением межэтнической напряженности (Д. Арель¹⁹, А. Карла²⁰, Ф. Грин и Ф. Вайлланкорт²¹, В.А.Тишков²², М.Х. Фарукшин²³ и др.).

Среди работ по проблематике поддержания внутренней консолидированности и устойчивости политий и регионов, отличающихся этнолингвистическим разнообразием, следует отметить исследования Э. Лю²⁴ И Т. Бенедиктера²⁵. На примере стран азиатского региона они обсуждают практики признания региональных миноритарных языков и институционализацию языковых преференций. К этой же группе исследований можно отнести работы Н. Александера, который на примере стран Африки обращается к аналогичным проблемам²⁶. Эти и другие работы носят компаративно-ориентированный характер. При этом, если Александр и Бенидиктер ставят целью описание и объяснение направленности языковой политики в этнически гетерогенных государствах, то Э. Лю, описывая практики признания языков в странах Юго-Восточной Азии, использует понятие «языковой режим» как совокупность правил и норм, регулирующих использование языков в сообществе, и предлагает автоскую типологию языковых режимов.

Понятие «языковой режим» является распространенным в политическом и управленческом лексиконе (особенно в нормативных

¹⁹ Arel D. Political Stability in Multinational Democracies: Comparing Language Dynamics in Brussels // Multinational Democracies / Gagnon Al-G.,Tully J. (eds.) – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

²⁰ Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. – June 2007. – № 2. – Vol. 6. P. 285-313.

²¹ Grin F., Vaillancourt F.The Cost-effectiveness Evaluation of Minority Language Policies: Case Studies on Wales, Ireland and the Basque Country. Flensburg: European Centre for Minority Issues, 1999. – 114 p.

²² Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 127-144. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08>; Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 291-303; Тишков В.А., Соколовский С.В. Европейская языковая хартия и Россия. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/evropejska.html> (дата обращения: 12.09.2019).

²³ Фарукшин М.Х. Статус языков этнических меньшинств в Российской Федерации // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2014. – Vol. 41. – Issue 2. P. 169-193.

²⁴ Liu A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.

²⁵ Benedikter T. Language Policy and Linguistic Minorities in India: An Appraisal of the Linguistic Rights of Minorities in India. – Bolzano: EURAC Research, 2013. 232 p.; Benedikter T. Solving Ethnic Conflict through Self-Government: A Short Guide to Autonomy in Europe and South Asia. – Bolzano/Bozen: EURAC Research, 2009.

²⁶ Alexander N. Language Policy and National Unity in South Africa/Azania. – Cape Town: Buchu, 1989. 80 p.

документах Европейского союза), а вот в политической науке его используют не столь широко. В политологической литературе, как правило, понятие «языковой режим» используется в целом и в общем для описания правил, регулирующих распространение и использование языка в сообществе. Именно такой подход отличает работы Дж. Пула²⁷, А. Карлы²⁸, Э. Лю²⁹, М.Газзолы³⁰ и др. Отдельно следует выделить работы Л. Кардинал и С.Зоннта³¹, которые, обращаясь к вопросу об институционализации языкового режима, вводят идею о «критическом моменте» – своеобразной точке в борьбе различных политических сил, оспаривающих направленность и содержание государственной языковой политики как сущностного элемента языкового режима. Они сводят воедино государственную политику и языковые практики, но при этом не объясняют, как связаны между собой содержание языковой политики, спрос на неё и складывающиеся в сообществе и его сегментах практики использования языка/-ов в контексте политico-институционального обеспечения территориальной целостности сложноустроенной политии. Непроясненность этого вопроса делает актуальным исследование, направленное на концептуальное уточнение понятия «языковой режим» и выявление факторов его вариативности в контексте развертывания «борьбы за язык».

В гетерогенных в этнолингвистическом отношении государствах практики национального строительства, конструирования гражданской идентичности, а также политico-институционального обеспечения устойчивости политии являются сопряженными друг с другом и требуют специальной политico-институциональной настройки и эффективных инструментальных решений. Именно имплементация последних делает политии сложноустроенными в политico-институциональном отношении. Под сложноустроенными политиями в настоящем исследовании понимаются политии, определяемые как этнические или смешанные федерации, а также унитарные государства с особыми автономными регионами в их составе,

²⁷ Pool J. Language Regimes and Political Regimes // Language Policy and Political Development / Ed. by Weinstein B. – Norwood, New Jersey: Ablex, 1990. – P. 241–261; Pool J. Optimal Language Regimes for the European Union // International Journal of the Sociology of Language. – 1996. – № 121. – P. 159-179.

²⁸ Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. – June 2007. – № 2. – Vol. 6. P. 285-313.

²⁹ Liu A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015.

³⁰ Gazzola M. The Evaluation of Language Regimes. Theory and Application to Multilingual Patent Organisations. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014.

³¹ Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and Regional Studies. – 2015. – № 8. P. 5-21.

которые Л. Андерсон и Я. Гай предлагают называть «федерированными государствами» (federacies). Для последних характерно предоставление центральным правительством территориальной автономии одной или нескольким этническим группам³² – региональной (территориальной) автономии (*далее – ЭРА*). Автономия субъектов в составе федераций и регионов в составе федерированного государства такова, что её одностороннее аннулирование центром блокировано конституцией или специальным соглашением. ЭРА включает два важных элемента: систему совместного осуществления власти (power-sharing³³) и набор преференциальных политик. В первом случае речь идет об институционализации системы представительства/ участия группы в органах публичной власти. Во втором – о решениях в отношении обеспечения особых прав группы – преференциальных политических курсах. Именно второй компонент – преференциальные политики – оказывается общим как для этнических и смешанных федераций, так и для «федерированных государств». Языковая политика в подобных случаях приобретает преференциальный характер и играет важную роль в обеспечении баланса в лингвистически фрагментированных, трансформирующихся и усложняющихся обществах, которые делают выбор в пользу комплексного, многоуровневого политico-институционального устройства. Языковая политика как элемент ЭРА может как обеспечивать, так и нарушать баланс в политии, а её субъекты и бенефициары являются участниками политических взаимодействий, в ходе которых этот баланс функционирует.

Феномен «борьбы за язык» требует выявления не только условий институционализации и реализации языковой политики, но и объяснения связи между спросом на такую политику и практиками использования языка/-ов в сообществе в контексте политico-институционального обеспечения устойчивости и территориальной целостности сложноустроенной политии.

Область научного исследования соответствует специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» по направлениям исследований, выделенным в Паспорте данной специальности (пункты 2, 8).

³² Anderson L. Federal Solutions to Ethnic Problems. Accommodating Diversity / Exeter Studies in Ethno Politics / ed. by Stansfield G. Exeter: University of Exeter, 2013. P.6; 230. Ghai Y. Ethnicity and Autonomy: A Framework for Analysis // Autonomy and Ethnicity. Negotiating Competing Claims in Multi-ethnic States / Ed. by Ghai Y. Cambridge University Press, 2000. – P.9.

³³ Под power-sharing понимается такое политico-институциональное устройство, которое обеспечивает распределение политической власти между различными этническими сегментами / группами и их совместное участие в процессе принятия политических решений

Объектом исследования являются языковая политика и языковые режимы в сложноустроенных политиях.

Предмет исследования составляют факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в контексте обеспечения политико-институциональной устойчивости сложноустроенных политий.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и охарактеризовать конфигурации факторов, обуславливающих вариативность языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных политиях в контексте обеспечения их политической устойчивости.

Для достижения цели были решены следующие задачи:

1) концептуализировать в контексте современных дебатов понятие «языковой режим» как элемент политических взаимодействий и политико-властных отношений в сложноустроенных политиях;

2) концептуально уточнить взаимосвязь понятий «языковая политика» и «языковой режим»;

3) охарактеризовать роль структурных факторов, обуславливающих глубину и универсальность языкового регулирования в сложноустроенных политиях в разных исторических и политико-институциональных контекстах;

4) охарактеризовать роль агентских факторов, обуславливающих глубину и универсальность языкового регулирования в сложноустроенных политиях в разных исторических и политико-институциональных контекстах;

5) выявить варианты взаимосвязи между характером языковой политики и практиками ее восприятия в сообществе;

6) выявить варианты влияния внешних и внутренних субъектов языковой политики на институционализацию типа языкового режима;

7) на основе сравнения верифицировать обусловленность моделей языковых режимов контекстными политико-институциональными и историческими условиями и структурными характеристиками сложноустроенных политий.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования. Теоретический каркас исследования составляют положения конструктивистской методологии Р. Брубейкера; концепции К. Уильямса, Э. Лю, С. Зоннаг и Л. Кардинал о факторах языковой политики; идея Н.М. Мухарякова о «политике языка»³⁴.

³⁴ Мухаряков Н.М. Политика языка и языковая политика / Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Редколлегия: И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, Е.В. Морозова, В.И. Пантин, И.Л. Прохоренко, Л.А. Фадеева. М.: Весь мир, 2017. С. 691-699.

Изучение и объяснение процессов политизации языка и институционализации языковой политики находятся на пересечении исследовательских интересов социолингвистов, с одной стороны, и политологов, с другой. И те, и другие обсуждают идентификационную функцию языка. Здесь наиболее важными оказывается соперничество двух крупных теоретико-методологических подходов в изучении этничности и национализма: примордиализма и конструктивизма. Примордиалисты, для которых этничность обусловлена природным (примордиальным) чувством духовной близости людей, а не социальными контактами³⁵, рассматривают язык как идентификатор этнической принадлежности его носителей. Они настаивают на том, что язык предписан индивиду его происхождением и родственными связями. Конструктивисты же полагают, что этничность есть социальный конструкт, а не жесткий набор «естественных» маркеров, группирующих людей по расовым и языковым признакам. С точки зрения конструктивистов, этничность создается (конструируется), будучи своего рода культурным артефактом³⁶, а язык является инструментом и одновременно результатом рационального выбора индивидов³⁷. С позиций конструктивизма язык не может рассматриваться как предзаданный элемент формирования и развития идентичности индивидов. Наиболее точно конструктивистское видение роли языка в формировании идентичности сформулировано А. Карлой, который пишет, что «посредством языка идентичность формируется через практики и системы взаимодействия индивида и государства, личности и власти»³⁸. В этих взаимодействиях роль языка инструментальна. Если следовать логике конструктивизма, то важны не только коммуникативное измерение инструментальной функции языка, но его интегративно-символическая роль в формировании сообщества, будь то национального, этнического или политического, о которой в своих работах пишут С. Райт³⁹ и Э. Лю⁴⁰.

³⁵ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения. // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 4. – С. 5.

³⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 29.

³⁷ Германова Н.Н. Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике. // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 557. С. 24-41.

³⁸ Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. – 2007. – № 2. – Vol. 6. – P. 287.

³⁹ Wright S. What is language? A response to Philippe van Parijs. // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – 2015. – № 18(2). P.113-130.

⁴⁰ Liu A. Standardizing diversity: the political economy of language regimes. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. 256 p.

Теоретически важным представляется тезис Брубейкера об этничности как дискурсивном результате ситуативных действий, реализации политических проектов и даже случайных событий⁴¹. В этом контексте язык как маркер этничности и этнической идентичности является одновременно и инструментом, и предметом политической борьбы, понимание и объяснение логики развертывания которой нуждается в выявлении факторов, ее обусловливающих. Обращение к концепции Э. Лю о структурных факторах масштаба признания языка меньшинств⁴², модели агентских факторов языковой политики К. Уильямса⁴³ и концепции С. Зоннтауг и Л. Кардинал о «критическом моменте» в институционализации языкового режима как набора норм языкового регулирования⁴⁴ позволяет в наборе факторов вариативности языковых режимов выделять три группы (структурные, контекстуальные и агентские), ставя вопрос о том, как связаны их конфигурация и вариативность практик использования языка и борьбы за него в сообществе.

Подход Н. Мухарякова к пониманию как взаимосвязанных «политики языка» и «языковой политики» (*language policy* и *language politics*) дает возможность характеризовать роль агентских факторов не только с точки зрения субъектного состава языковой политики, целей и ресурсов субъектов, но выявлять складывающиеся альянсы и коалиции по поводу языка, их связь с группами поддержки и спросом в сообществе на эту политику. Таким образом, конструктивистская парадигма позволяет рассматривать «политику языка» как маркер включения языковых режимов в политико-властные отношения.

Теоретическая основа исследования определяет его метод – малоказусное сравнение. Метод сравнения позволяет выявить и объяснить каузальные связи⁴⁵ между языковой политикой и языковым режимом, а также обусловленность институционализации языковой политики. Поскольку в центре внимания находятся факторы, обусловливающие вариативность языковых политик и языковых режимов в контексте политических взаимодействий на различных уровнях власти в сложноустроенных политиях,

⁴¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. / пер. С англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С.274-275.

⁴² Liu A. Democracy and minority language recognition: tyranny of the majority and the conditional effects of group size // Democratization. – 2017. – № 3. P. 544-565.

⁴³ Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. – 2013. – №1. – Vol. 23. P. 101-122.

⁴⁴ Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and regional Studies. – 2015. – №8. P. 5-21.

⁴⁵ Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. – 2019. – №5. С.19-42.

то эмпирический фокус настоящего исследования составляют примеры реализации языковой политики как на национальном, так и субнациональном уровнях в сложных в административно-территориальном и политико-институциональном отношении политиях, таких как Индия, Босния и Герцеговина, Сербия, Испания и Великобритания. Выбор этих случаев для сравнения обусловлен необходимостью сочетания стратегий сравнения посредством поиска сходства при максимальном различии и поиска различия при максимальном сходстве. Речь идет об исследовательских стратегиях политической компаративистики, предложенных А. Пшеворским и Дж. Тьюном.

Генеральную совокупность составляют сложноустроенные политии – федерации и федерированные государства с этнолингвистическим компонентом. Из стран с признаками этнофедерализма были отобраны, во-первых, те, в состав которых входит одна и более этническая региональная автономия, не являющаяся при этом островной. Учет последнего параметра позволил исключить влияние географического фактора (удаленности/изолированности). Во-вторых, были исключены страны, с недемократическим режимом; в выборке оставили только отвечающие признакам «free» или «partly free» согласно данным Freedom house. В-третьих, в число федераций были вошли те этнические федерации, все субъекты которых выделены по этнолингвистическому признаку: в такого рода федерациях существует система регулирования языковых вопросов, направленная всегда на официальное признание государственных языков нациеобразующих групп (например, Бельгия, Босния и Герцеговина и Пакистан). Решение выбрать из их числа случай Боснии и Герцеговины обусловлено следующими соображениями: Босния и Герцеговина является этнической федерацией, институционализация которой связана со сложно сопряженными этноконфессиональным и лингвистическим конфликтами. В-четвертых, в соответствии с данными «Монитора этнополитической конфликтности» не были включены Никарагуа, Панама и Италия как случаи, где культурно-лингвистический фактор не является запускающим и/или усиливающим этнополитические конфликты. В-пятых, не была включена в выборку Канада, где Нунавут не является провинцией, а имеет «промежуточный» статус территории, обладающей значительно меньшим объемом полномочий.

Таким образом, выборку составили Босния и Герцеговина в качестве этнической федерации; Индия как федерация смешанного типа; Испания, Великобритания и Сербия как федерированные государства. В состав Испании и Великобритании входят более чем одна ЭРА. Испания является примером

институционализации этнических региональных автономий в контексте процессов демократизации, в то время как федерированное политico-институциональное устройство Великобритании не было сопряжено с политической трансформацией политического режима. Сербия отвечает признакам федерированного государства: в ее состав входит одна региональная автономия – Воеводина, которую в исследовательской литературе относят к региональным автономиям исторического типа, ее формирование и развитие было связано с политическими притязаниями и требованиями этнических групп (прежде всего, воеводинских венгров), практиками их этнополитической мобилизации. Случай Сербии позволяет обсуждать не только региональное, но и субрегиональное (локальное) измерение языковой политики и языкового режима.

Аналитическая логика поиска различий при максимальном сходстве требует минимизации сколько-нибудь значимого влияния страновых различий на этапе построения сравнительного исследования. Для этого в каждом из случаев проводится внутристрановое сравнение, что позволяет минимизировать влияние контекстуальных факторов – страновых особенностей. К последним относятся политico-институциональное устройство страны, особенности национальной экономики, конфигурация национального языкового режима. Таким образом, единицей малоказусного сравнения являются региональные автономии в составе сложноустроенной политии. Нивелирование контекстных факторов на этапе построения дизайна сравнительного исследования означает, что в качестве независимой переменной выступают конфигурации структурных и агентских факторов языковой политики и языковых режимов.

Выявленные в ходе внутристранных сравнений конфигурации структурных и агентских факторов вариативности языковой политики и языковых режимов позволяют с помощью межстренного сравнения объяснить роль контекстного фактора как обуславливающего направленность языковой политики и тип языкового режима при одинаковой конфигурации структурных и агентских факторов.

Для сбора эмпирических данных были проведены три серии полуструктурированных интервью и бесед: в Сербии и Боснии и Герцеговине, в Великобритании, в Испании.

Эмпирическая база исследования включает несколько групп источников. Во-первых, данные национальных и региональных статистических агентств, ведомств, включающие переписи населения Испании (2011), Великобритании (2011), Индии (2001, 2011), Сербии (2011),

Боснии и Герцеговины (2013), а, во-вторых, данные электоральной статистики указанных стран.

1) Нормативно-правовые акты: национальные конституции Индии, Боснии и Герцеговины, Испании, уставы и статуты этнических региональных автономий (Воеводины, Каталонии, Страны Басков, Наварры, Уэльса, Галисии, Акт о разделе штата Андхра Прадеш), международное законодательство, регулирующее использование и защиту региональных и миноритарных языков (в частности, Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств) национальное и региональное законодательство о защите прав меньшинств и статусе региональных языков.

2) Тексты национальных и региональных стратегий и планов развития и поддержки региональных языков, в которых содержится информация о планировании и продвижении мер по их поддержке.

3) Сайты органов власти, центров, ответственных за развитие языков, экспертных организаций. Размещенная на них информация позволила, с одной стороны, на этапе планирования исследования определиться с пулом респондентов, с которыми были проведены интервью в Великобритании, Сербии, Боснии и Герцеговине, Испании. С другой, содержательный анализ сайтов позволил определить ту часть субъектного состава языковой политики, которая может быть охарактеризована как экспертное сообщество, имеющее аффилиации с органами власти, НГО, образовательными учреждениями, сформировать представление о характере их взаимодействия друг с другом.

4) Программы региональных и национальных политических партий, межпартийные коалиционные соглашения, содержащие разделы о языковых правах и требования, касающиеся защиты региональных и локальных автохтонных языков.

5) Справочные материалы (энциклопедическая информация, данные, агрегированные национальными и международными аналитическими и экспертными службами), касающиеся характеристик социально-экономического и политического развития стран и регионов выборки.

6) Базы данных, содержащие информацию об этнической структуре и этнолингвистической фракционализации, о региональных автономиях (RAI и ERAD), а также данные Minorities At Risk Project (MAR).

7) Материалы СМИ, включающих интервью с политиками и экспертами, вовлеченными в реализацию языковой политики, статьи в периодической печати о практиках и результатах языковой политики.

9) Данные полуструктурированных экспертных интервью и бесед⁴⁶, проведенных в сентябре 2016 г. в Сербии (Белград, Нови Сад, Тимерин, Бачка Петровац) и Боснии и Герцеговине (Баня Лука, Сараево), в апреле 2017 в Великобритании (Глазго, Аберистуит, Кардиф, Бангор), в октябре 2017 г. в Испании (Барселона), а также в рамках научных мероприятий со специалистами в области языковой политики в стране басков в марте 2017 г. в Санкт-Петербурге, и специалистами по языковой политике на балканах в мае 2017 г. в Нидерландах (Амстердам). Всего было проведено 34 интервью и беседы. Респондентами выступили политики и общественные деятели, исследователи, чиновники, преподаватели родного языка, сотрудники лингвистических центров и центров по продвижению регионального языка.

Научная новизна диссертационного исследования. В работе впервые в политической науке определен набор факторов и объяснена конфигурация факторов, обуславливающих вариативность языковой политики и языковых режимов на различных уровнях власти в сложноустроенных политиях в современном мире. Научная новизна заключается в следующем:

Во-первых, концептуальное уточнение понятия «языковой режим» через объяснение его связи с языковой политикой и феноменом политизации языка позволило понимать его как социальный порядок существования и воспроизведения сообщества в условиях рутинизированных и привычных правил / практик использования языка.

Во-вторых, выявлена и эмпирически доказана вариативность доминантного положения факторов структурного порядка, среди которых наиболее весомыми оказываются связанные друг с другом доля и сегрегированность группы-носителя языка.

Во-третьих, определено, что политические стимулы и мотивы субъектов языковой политики могут корректировать и даже нивелировать влияние факторов структурного порядка.

В-четвертых, интерпретативный анализ эмпирических данных позволил уточнить и верифицировать диахотическое различие двух классов языковых режимов («языковой режим объединения» и «языковой режим разъединения») в контексте их обусловленности языковой политикой.

В-пятых, эмпирически обоснована связь между силой и масштабом языковой политики и соотношением символического и прагматического запроса в сообществе на миноритарный язык(и). Выявлено, что символический по своему характеру запрос, как правило, усиливает

⁴⁶ Эмпирические данные собраны в рамках реализации исследовательского проекта РНФ №15-18-00034 “Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств” (рук. П.В. Панов).

политизацию языка, а также способствует формированию «языковых режимов разъединения», которые, в свою очередь, усиливают потенциал территориальной дезинтеграции. Прагматический запрос сопровождается деполитизацией языка, способствует рутинизации языковой политики, и, как правило, опосредованно влияет на формирование и воспроизведение «языковых режимов объединения» и, тем самым, работает на политико-институциональное обеспечение устойчивости и территориальной целостности сложноустроенных политий.

Положения, выносимые на защиту:

1) Понимание «языкового режима» как разновидности социального порядка, который является результатом как реализации языковой политики, так и воспроизведения институциональных практик использования языка(ов) в сообществе, позволяет разводить понятия «языковой режим» и «языковая политика», которые связаны не структурным, а каузальным образом. Акцент на каузальной связи между языковой политикой и языковым режимом делает возможным выявление связи между содержанием и направленностью языковой политики и характером языкового режима с точки зрения этноязыковой связности/разобщенности сообщества.

2) Языковой режим становится частью политico-властных отношений в условиях политизации языка («актуализации борьбы за язык»), маркерами которой являются взаимообусловленные политическая (субъектная) воля и практики этнополитической мобилизации в сообществе. Политическая субъектность проявляется в разработке, принятии и реализации решений относительно статуса и возможностей языка и его носителей, в то время как практики этнополитической мобилизации реализуются посредством артикуляции запроса на языковую политику, а также институционализации арен «борьбы за язык» - партийной, парламентской и избирательной, прежде всего.

3) Языковые режимы с сложноустроенных политиях имеют сложную структуру, которая сопряжена с многоуровневой системой территориально-административного устройства федерации или регионализированной политии (federacy), а также с институционализированными способами поддержания территориальной целостности государства.

4) Тип языкового режима обуславливают, во-первых, конфигурация факторов и условий, под влиянием которых реализуется языковая политика; во-вторых, наличие наряду с языком иных маркеров этно-региональной идентичности, являющихся ресурсом артикуляции требований региональной автономии; и, в-третьих, характер спроса в сообществе на миноритарный язык(и).

5) Типологическое различие языковых режимов на «языковой режим объединения» и «языковой режим разъединения» позволяет объяснить связь типа режима и пространственным измерением этнолингвистической структуры общества. Первый тип режима возникает и функционирует в ситуациях функционального би(мульти)лингвизма, в которых сильный, поддерживаемый государством и активно используемый членами общества *lingua franca* выполняет интегрирующую для общества роль, нивелируя пространственную фрагментированность этноязыковых групп. «Языковой режим разъединения», напротив, допускает воспроизведение лингвистической гетерогенности общества в формате территориально обособленных этноязыковых сообществ.

6) В этнически неоднородных политиях тип языкового режима обусловлен особенностями процессов нациестроительства, в контексте которых язык приобретает большее символическое значение, а языковая политика выполняет инструментальную функцию поддержания баланса притязаний этнических групп на политическую субъектность.

7) Сила, масштаб и направленность языковой политики зависят от соотношения символического и прагматического запросов в сообществе на миноритарный язык(и). Если символически окрашенные требования способствует большей политизации языка и формированию «языковых режимов разъединения», то доминирование прагматических стимулов в действиях и требованиях политических субъектов и агентов языковой политики, как правило, обуславливает деполитизацию вопроса о языке и рутинизацию языковой политики как курса, что способствует формированию и/или воспроизведству «языковых режимов объединения».

8) В сообществе всегда присутствуют носители и символического, и прагматического запроса на миноритарный(е) язык(и). Это означает, что при определении содержания и направленности языковой политики, принятии политических решений технологически следует учитывать реально существующее наличие в сообществе носителей прагматики и символики, выбирая способы и механизмы, работающие на деполитизацию.

9) В одинаковых политико-институциональных условиях среди факторов структурного порядка наибольшее влияние на содержание и вариативность языковой политики оказывают не только размер доли, но и пространственная сегрегированность этноязыковой группы.

10) В условиях изменяющегося и/или кризисного политического контекста большую роль приобретают агентские факторы: процессы политических трансформаций, усиление внешнего политического воздействия выступают в качестве триггеров для политических стимулов и мотивов

субъектов языковой политики, делая последних более значимыми, нежели структурные факторы.

11) Исход борьбы за язык, маркерами которого являются содержание, направленность и масштабность институционализированных преференций для этноязыковых групп, зависит от силы запроса на эти преференции снизу и степени консолидированности (связанности) альянса политиков и заинтересованных групп на разных уровнях и аренах политических взаимодействий.

12) Свобода принятия решений и вариативность возможностей для субнациональных единиц (членов сообщества) в области языкового регулирования не всегда релевантна объему и масштабу свобод в иных сферах, таких как фискальная, бюджетная, политико-институциональная и др. Языковые требования в условиях актуализации требований большей политической и/или экономической автономии могут приобретать вспомогательный инструментальный символический характер, равно как и усиливаться под влиянием социально-экономических или налоговых требований регионализма.

Теоретическая значимость исследования состоит в концептуальном уточнении понятия «языковой режим», интерпретации и верификации дихотомического различия классов языковых режимов, позволяющих выделять вертикальную (вложенную) структуру языкового режима в сложноустроенных политиях. Предложенный подход к анализу политизации языка, соотношения языковой политики и политики языка позволяет понять и объяснить логику включения языкового режима в политico-властные взаимодействия, с одной стороны, и связь типа языкового режима с политико-институциональным и административно-территориальным устройством политии, с другой. Внутри- и межстрановое сравнение позволило определить, что вне зависимости от контекста принятия решения, результативность языковой политики обусловлена не только структурными факторами, но и характеристиками агентского состава политики языка и языковой политики. Это указывает на то, что нет единого универсального рецепта решения языкового вопроса, а разработка и реализация языковой политики требует тонкой политико-институциональной настройки. Проведённое исследование является существенным приращением знаний в области изучения языковой политики как одного из механизмов политико-институционального обеспечения устойчивости и территориальной целостности государства.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты, а также введённые в научный оборот эмпирические данные могут быть использованы органами государственной власти

Российской Федерации и иными государственными и негосударственными институтами, реализующими языковую политику и языковое планирование. В частности, при принятии решений в области языковой политики следует учитывать тот факт, что Россия является федерацией смешанного типа, и решение вопроса о языках народов России, в т.ч. и титульных языках республик в составе РФ, как для федерального центра, так и для региональных властей сопряжено с решением задач сохранения территориальной целостности государства и поддержания межэтнического баланса. Российская ситуация в этом смысле аналогична проблемам в других странах, что позволяет предполагать, что рецепты решения языкового вопроса в исследуемых странах релевантны и для нашей страны.

На основе межстрановых и региональных сравнений практик реализации языковой политики и обуславливаемых ею практик использования языка(ов) в сообществе сформулированы следующие экспертные рекомендации по разработке решений, направленных на гармонизацию межэтнических отношений, поддержку этнокультурного разнообразия в сообществе и урегулирование конфликтов в современной России:

1. Активизировать языковую политику на региональном уровне с учетом разнообразных местных особенностей, в том числе, структурного свойства.

2. Находить баланс между символическим и прагматическим измерениями языковой политики. Ориентация на прагматику использования языка представителями той или иной этноязыковой группы позволяет включить в сферу внимания все сообщество, а не только его отдельных представителей в виде, прежде всего, НКО, а также работать с теми аспектами бытования языка, которые важны для самих его носителей. Речь, прежде всего, идет о прагматике использования языка в публичной сфере. При этом, существует много современных практик, позволяющих повысить уровень представленности языка, и не сводящихся к традиционным фестивалям и конкурсам, которые, напротив, могут стигматизировать язык, помещая его в своеобразную резервацию, что может провоцировать недовольство и создавать ресурс для политизации.

2. Предпринимать целенаправленные усилия по минимизации разрыва между вопросом о языке в публичной и институциональной повестках. Система многоуровневой политики, существующая в Российской Федерации, место в ней регионов (полномочия, объем ресурсов, влияние) позволяют региональному уровню публичной власти занять ключевую позицию медиатора в сфере языковой политики в комплексной системе взаимодействий по ее поводу.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в деятельности научно-исследовательских учреждений, преподавании политологических дисциплин в высших учебных заведениях, при подготовке учебно-методической литературы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены автором в научных публикациях, а также в выступлениях на различных научных конференциях, в том числе на Международной научно-практической конференции «Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики» (Пермь, 13 ноября 2015 г.); на Всемирном конвенте Ассоциации по изучению национализма в г. Нью-Йорке (США) в апреле 2016 г.; на Международной конференции «Трансформация современного миропорядка: фактор идентичности» в ИМЭМО РАН (г. Москва, 24 ноября 2016); на Международной конференции «Политика мультилингвизма» в Университете Амстердама, Нидерланды, 22-24 мая 2017 г.; на международной конференции «Язык и пространство этнокультурного диалога», в Санкт-Петербургском государственном университете (г. Санкт-Петербург, 22-24 марта 2017 г.), на Всероссийской научной конференции «Ценностные вызовы глобализационных процессов: между традицией и новацией» (г. Пермь, ПГНИУ, 7-8 февраля 2019 г.), на научном семинаре «Этнополитические и этноязыковые процессы в российских регионах» в Казанском энергетическом университете (г. Казань, 21 сентября 2019), на Всероссийской (с международным участием) научной конференции РАПН «Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы» (Москва, 7 декабря 2019 г.), на Международной научно-практической конференции «Языковая политика в России и мире» (РГГУ, Москва, декабря 2019), на 51-м Конвенте Ассоциации славянских, восточно-европейских и евро-азиатских исследований; на Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Региональное: феномены, модели, практики» (Пермь, 31 октября 2020 г.).

Результаты диссертационного исследования легли в основу учебной дисциплины «Языковая политика: исторические метаморфозы и пространственные вариации» (Пермский государственный национальный исследовательский университет, магистерская программа по направлению 41.04.04. «Политология») и отдельных тем учебных дисциплин «Политическая конфликтология» и «Многоуровневая политика» (Пермский государственный национальный исследовательский университет, программы бакалавриата по направлению 41.03.04. «Политология»). По теме диссертации опубликовано 26 научных работ, общий объем которых превышает 32 п.л., включая, 1 монографию, 1 главу в коллективной монографии, 16 статей,

опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК, в т.ч. входящих в зарубежные базы цитирования SCOPUS или Web of Science, и 1 статью, опубликованную в зарубежном издании, индексируемом SCOPUS и Web of Science (Q1).

Структура диссертации отражает цели и задачи, поставленные автором. Работа состоит из введения, шести глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и использованной литературы, приложений. Объем работы (без титульного листа, оглавления, библиографического списка и приложений) – 268 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы; дана характеристика степени её разработанности; определены объект, предмет, цели и задачи диссертационного исследования; сформулированы теоретико-методологические основы исследования, проведен анализ эмпирической базы исследования; показана научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава является теоретической. В первом параграфе первой главы рассматриваются основные подходы к пониманию языковой политики, дается характеристика моделей ее реализации. На основе анализа исследовательской литературы выявлено, что, будучи связанной с задачами защиты прав меньшинств и направленной на обеспечение целостности государства, языковая политика всегда (или почти всегда) имеет позитивный характер, реализуя языковые права этнических меньшинств. Но она может различаться с точки зрения количества групп как бенефициаров этих преференций (одна группа или несколько). Бенефициары (адресаты и получатели) языковых преференций в качестве критерия характеристики языковой политики позволяют различать не просто «позитивную» или «негативную» языковую политику, но выделять внутри позитивной «позитивную для всех» и «позитивную для титульной группы». Такое уточнение обусловлено тем, что далеко не всегда титульная этноязыковая группа является доминирующей на региональном и/или локальном уровне, но при этом наделяется территориальной автономией. И здесь важным является, насколько комплексной оказывается институционализация языковых преференций. Комплексность и вариативность языковой политики, реализация ее в формате обеспечения преференций и особых прав этноязыковых меньшинств оказываются, как правило, связанными со сложностью политико-институционального устройства политики, институционализированными практиками со-общественной демократии и этнополитического представительства.

Во втором параграфе первой главы предложено понимать языковой режим как разновидность социального порядка, который, является результатом воспроизведения институциональных практик. Такое понимание языкового режима позволяет характеризовать его как набор «обычных» (рутинизированных) социальных практик, посредством которых при решении общественно значимых вопросов задействованы и оказываются эффективными традиционные, привычные механизмы, отработанные в предыдущие временные периоды. Маркером политизации является, с одной стороны, то, что политические акторы и субъекты политики проявляют

интерес к общественным ресурсам, а, с другой, политико-властные механизмы, процедуры используются для достижения неполитических целей и задач. Политизация языка («борьба за язык») делает языковой режим частью практик политico-властных отношений, помещает его в мир «politics», где одинаково важными и взаимообусловленными оказываются как политическая (субъектная) воля, проявляющаяся в принятии и реализации решения, так и политическая мобилизация, воплощением которой оказывается в том числе и артикуляция запроса на языковую политику.

Критическое обсуждение идеи Л. Кардинал о политико-правовом, функциональном и символическом измерениях языкового режима позволило выявить и объяснить каузальную связь между языковой политикой и языковым режимом. Планирование относительно статуса языка в наборе иных факторов и условий может формировать разные языковые режимы. В качестве базовой используется идея А. Карлы о двух типах языковых режимов: «режим объединения» (*pooling regime*) и «режим разделения» (*parting regime*)⁴⁷, каждый из которых может способствовать укоренению в сообществе либо монолингвизма, либо би-/мультилингвизма. Различие языковых режимов возможно, исходя из восприятия носителями языка своего статуса и возможностей, а также характера мотивов, которыми руководствуются субъекты языковой политики при принятии решений относительно статуса языка(ов). Речь идет о выделении прагматического и символического отношения к языку. Различие символического и прагматического восприятия и спроса на статус языка со стороны сообщества и субъектов языковой политики позволяет объяснить интегрирующий или разделяющий характер языкового режима.

«Языковой режим объединения» имманентно связан с ситуацией функционального би(мульти)лингвизма, при которой интегрирующую для сообщества роль выполняет сильный и активно используемый *lingua franca*. «Языковой режим разъединения», в свою очередь, допускает воспроизведение лингвистической гетерогенности общества в формате территориально обособленных этноязыковых сообществ (ситуация территориально сегрегированных монолингвизмов), члены которых крайне слабо используют язык общенационального общения на основных аренах общественного и межличностного взаимодействия. Тип языкового режима может быть обусловлен конфигурацией факторов и условий, под влиянием которых реализуется языковая политика, наличием наряду с языком иных маркеров

⁴⁷ Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. – 2007. – № 2. – Vol. 6. P. 285-313.

этнорегиональной идентичности, выступающих в качестве ресурса артикуляции требования региональной автономии, а также соотношением символического или прагматического спроса в сообществе на миноритарный язык(и).

В третьем параграфе первой главы представлена теоретическая модель исследования, которая предполагает, что языковая политика находится в одном ряду с иными преференциальными политическим курсами и является одним из возможных контекстуальных факторов, связанных сложным образом со структурными и агентскими факторами. Эти факторы в различных вариациях и опосредованных связях по отношению к другу к другу обуславливают языковой режим. Выявление роли структурных, контекстуальных и агентских факторов основано, во-первых, на представлении об их сложно структурированной, имеющей каузальный характер связи друг с другом. Во-вторых, эти факторы оказывают влияние на характер языкового режима опосредованно, обуславливая направленность, содержание и комплексность языковой политики, превращая ее тем самым в один из факторов контекстуального порядка.

Во второй главе на примере современной Индии, где языковые различия играют значимую роль для этнической идентификации, охарактеризована значимость этно-языковой структуры общества в качестве фактора, обуславливающего масштаб и комплексность языковой политики, а также на примере двух случаев – штатов Андхра Прадеш и Джамму и Кашмир – верифицирована гипотеза о сложной роли агентских и структурных факторов. В первом параграфе второй главы показано, что языковая политика в этой стране носит комплексный характер и адаптивно сопряжена с этнолингвистической структурой общества. Характерной чертой Индии является то, что языковая политика создает в сфере межэтнического общения региональное разнообразие и диверсификацию моделей языковых режимов в различных региональных и локальных контекстах. При этом в ряде случаев религиозный фактор корректирует содержание принимаемых в отношении того или иного языка преференциальных по своему характеру решений.

Институционализация языковой политики происходила под влиянием требований признания прав нехиндиязычного населения Индии и в условиях политico-институционального переустройства: 1950-60-е гг. страна из территориальной федерации трансформировалась в смешанную. Воплощением институционализации языковой политики стало утверждение Восьмого списка и внедрение в образовательную систему «трехъязычной формулы», а также наделение английского официальным статусом. Эти меры и решения сформировали в Индии языковой «режим объединения» в формате

функционального мультилингвизма, где языком межнационального общения (*lingua franca*) выступает английский, выбор в пользу которого на субнациональном уровне нередко носит pragматический характер.

Выбор для сравнения двух штатов - Андхра Прадеш и Джамму и Кашмир – был продиктован двумя соображениями – недавние изменения в административно-территориальном устройстве и разница в этнолингвистической структуре общества. Первое учитывалось для основания проектировании бинарного сравнения в качестве одинакового для обоих случаев контекста – раздела штатов. Второе – этнолингвистическая структура общества – рассматривается как потенциально детерминирующий вариативность региональной языковой политики и языкового режима фактор, работающий в связке с агентским фактором.

Во втором параграфе второй главы на примере анализа языковой политики в штате Андхра Прадеш эмпирически подтверждено, что пространственная сегрегированность этноконфессиональных групп вкупе с их экономическим успехом может усиливать политизацию языка и актуализировать языковую политику. В третьем параграфе второй главы выявлена связь структурных причин и политических эффектов реализации статусной языковой политики негативной по своей направленности. Ненаделение титульного кашмири статусом официального языка штата искусственно лишило его инструментальной интегрирующей функции для кашмирской части территории штата. Такую интегрирующую для всего штата функцию благодаря своему официальному статусу должен был выполнять фактически миноритарный урду, искусственно превращаемый в *lingua franca*, или английский как фактический *lingua franca*. Характер статусной языковой политики в Джамму и Кашмире был обусловлен как особенностями этно-религиозной структуры штата, так и pragматическими задачами предотвращения дальнейшей его фрагментации и роста сепаратизма, имеющих серьезные религиозные основания и geopolитические причины.

Бинарный анализ двух штатов позволяет утверждать, что для конфигурации языкового режима и направленности языковой политики значение имеет не столько размер группы-носителя языка, сколько ее пространственная сегрегированность, особенности религиозной структуры и акторный состав политики языка. В обоих случаях обнаружены языковые режимы объединения, основанные на институционализации действия трехязычной формулы. Однако, характер языковой политики с точки зрения интересов групп-носителей языка, в т.ч. титульной группы, является разным, что позволяет обсуждать вопрос о региональной вариативности языковых режимов, обусловленной агентскими факторами. В одинаковом политико-

институциональном страновом контексте институционализируются разные языковые политики с точки зрения удовлетворения интересов титульной группы, размер которой позволяет ее считать в качестве доминирующей в региональном пространстве. Тому способствует наложение на этнолингвистическую структуру конфессиональной структуры вкупе с территориальной сегрегированностью и концентрацией групп в регионе.

В третьей главе на основе сравнения позитивной языковой политики в разных в этноконфессиональном отношении энтитетах (Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины) и в Самоуправляемом округе Брчко в составе этнической федерации Босния и Герцеговина показано, как и почему в одинаковом контексте нациестроительства, отягощенном этнической войной, формируется языковой режим разъединения. В первом параграфе третьей главы в центре внимания находятся процессы распада государства, формирование не только нового административно-территориального деления, но иного политico-институционального устройства. выявлено и эмпирически доказано, что именно распад СФРЮ и борьба за новое территориально-административное устройство новых государств на ее территории, сопровождавшаяся их политическим самоопределением в ряде случаев политизировал вопрос о языке. Иными словами, речь идет о том, что политизация языка была обусловлена процессами нациестроительства, среди которых наиболее показательным случаем является пример Боснии и Герцеговины. Во втором параграфе третьей главы взаимоувязанность территориальной конфигурации этнической структуры и территориально-административного деления и политico-институционального устройства БиГ, которые оформлены решениями Дейтонских соглашений 1995 г. Пример Боснии и Герцеговины является классическим случаем, иллюстрирующим работу модели консociативной демократии, основанной на принципах power-sharing (система совместного осуществления власти) (А. Лейпхарт), элементом которой является и языковая политика. Такая модель работает на решение конфликта в обществах с вертикальной сегментацией групп по этническим признакам через институционализацию переговорного процесса на уровне элит этих групп и институционализацию преференций для нацииобразующих групп (сегментов). В третьем параграфе третьей главы на примере энтитетов в составе Боснии и Герцеговины выявлена и охарактеризована роль структурного и агентского фактора в институционализации позитивной языковой политики и складывании языкового режима разъединения.

Сравнительный анализ языковой политики в энтитетах БиГ – Республике Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины, а также в

Самоуправляемом Округе Брчко позволяет утверждать, что, с одной стороны, преференциальный позитивный характер языковой политики в БиГ и ее энтитетах является следствием религиозной структуры общества и институционализацией механизмов этнического федерализма, в т.ч. power-sharing (совместного осуществления власти) как институционального способа решения этнополитического конфликта. С другой, установление этнической федерации в формате внешнего протектората вкупе с пространственной сегрегированностью этнических групп, усиленной Боснийской войной и этническими чистками, актуализировало вопрос о языке, способствовало институционализации комплексной языковой политики, а также формированию и воспроизведству в стране языкового режима разъединения. Наличие в БиГ территориально сегрегированных трех этнических групп, официально признанных в качестве нациообразующих, создает условия для языкового режима разъединения. Это объяснение было бы удовлетворительным, если бы не тот факт, что разница между языками сербов, хорватов и бошняков незначительна, в то время как венгерский и болгарский, равно как русинский или украинский весьма отличаются от сербского. Языковой «режим разъединения» в БиГ явным образом обусловлен особенностями процесса нациестроительства, в контексте которого языковая политика является символическим инструментом поддержания баланса притязаний хорватов, сербов и бошняков на политическую субъектность. Случай Боснии и Герцеговины указывает на то, что шансы для институционализации языкового режима объединения в условиях выхода из войны и в контексте становления государства, как государства трех наций, чьи права на это гарантированы авторитетом внешних игроков, в т.ч. и родственных государств (kin-states), минимальны, поскольку языки этих народов рассматриваются как равные и символически важные для их носителей.

В четвертой главе охарактеризованы факторы институционализации инклюзивной языковой политики и языкового режима объединения на национальном, региональном и локальном уровнях. В первом параграфе четвертой главы показано, что этническая структура Сербии в целом едва ли предполагает институционализацию позитивной языковой политики: фактическое доминирование сербов и крайне миноритарное положение иных этноязыковых групп, неравномерно локализованных в пространстве страны, скорее, должно способствовать установлению монолингвального режима без комплексной языковой политики. Однако именно Сербия является примером, где сам по себе структурный фактор оказывается однозначно менее значимым нежели агентский. В Сербии сложился «языковой режим объединения»,

который членами сообщества воспринимается как правильный, устоявшийся порядок, а обеспечение его функционирования как относящееся к зоне ответственности государства в лице национального правительства, региональных, и местных властей, а также консультативно-совещательных органов (этнических советов). Институционализация языкового «режима объединения» в формате функционального мультилингвизма с сильным сербским как мажоритарным языком межнационального общения в Сербии стала возможной в условиях, когда миноритарные этноязыковые группы, концентрированно локализованные в разных территориях, особенно Воеводины, вынуждены принимать сербский как язык общенационального общения. Не менее важными для позитивной инклузивной языковой политики являются сильная исторически укорененная традиция поддержки многоязычия, а также влияние внешних игроков – родственных государств и ЕС. Позиции, ресурсы и политика последних влияют преимущественно на pragматический рациональный индивидуальный выбор, который, в свою очередь, поддерживает (воспроизводит) спрос на институционализированные языковые преференции. И эти преференции воспринимаются индивидами и этноязыковыми группами в целом и в общем как достаточные, а значит, не оспариваемые.

Во втором параграфе четвертой главы охарактеризована языковая политика Воеводины и Сербии. Эмпирически доказано, что языковая политика в современной Сербии носит инклузивный характер: и Воеводина, и Сербия в целом являются примером комплексной инклузивной языковой политики, которая не только институционализировала практику использования языка в социальных отношениях между языковыми группами, но и регулирует политико-властные отношения между группами, обеспечивая их представителям доступ к политическим институтам (парламент и правительство). Это подтверждает как идею о том, что язык деполитизируется в том случае, когда выводится из режима требований об обеспечении выживания группы (сообщества), когда происходит рутинизация преференциальных практик использования языка в разных сферах деятельности, как это наблюдается в случае Воеводины и Сербии. Баланс, сложившийся в Воеводине, да и в Сербии в целом, устойчив, поскольку защита меньшинств, объем и масштаб преференций для них не редуцируются Белградом, который, как и этноязыковые группы, рассматривает сохранение этих преференций в том числе и как дань традиции. И в этом, наряду с доминирующей pragматикой, проявляется символическое измерение политики Белграда в отношении языков.

В пятой главе обсуждается диверсификация моделей языковых политик и их эффектов для языковых территориальных режимов в контексте политической демократизации. В первом параграфе пятой главы выявлено, что институционализация в Испании языковой политики стала элементом политического решения о создании федерированного государства как рецепта сохранения территориальной целостности страны в контексте демократизации. При этом, институционализация лингвистической концепции территориального билингвизма имела региональные особенности. Пример этнических региональных автономий в составе Испании показывает, что языковая политика, запущенная в контексте демократизации в качестве элемента институциональных решений об установлении федерированной политии для поддержания территориальной целостности, имеет одинаковую направленность и масштаб и способствует формированию на региональном уровне языковых режимов объединения. Однако, характеристики последних различаются, что связано с практикой артикуляции языковых требований и запросом на обеспечение языковых прав в сообществе.

Второй параграф пятой главы посвящен сравнительному анализу институционализации и эффектов языковой политики в Стране Басков, Галисии и Каталонии. Рост артикуляции языковых требований не только связан с особенностями этнолингвистической структуры общества, но и обусловлен политическим контекстом демократизации общества, значимой составляющей которой является внешнее влияние евроинтеграции, а также продвижение либеральной идеи билингвизма, который рассматривался элитами как фактор успешности демократического транзита. Во всех трех случаях регионалистский проект автономий в 1980-е гг., артикулированный региональными элитами, содержал вопрос о статусе титульных языков, который рассматривался и элитами, и простыми гражданами в качестве обязательной составляющей демократизации. В и общем и целом, набор требований и принятые решения во всех случаях были сопоставимы по своему содержанию и были направлены на установление билингвальных режимов, функционирование которых требует постоянно поддерживаемого консенсуса в сообществе относительно позиций языков, как титульного, так и языка межнационального общения, а в некоторых случаях миноритарных локальных языков. Не во всех случаях и не в полной мере билингвальная политика способствовала функциональности желаемого языкового «режима объединения». Например, позитивная в отношении титульного языка политика 1990-х гг. в Каталонии способствовала формированию тренда на монолингвизм, что в 2000-е гг. наряду с иными факторами стимулировало запуск нового раунда оспаривания статуса языков. В Каталонии этому

способствовало распространенное в сообществе представление о языке как о региональном символе и достоянии, как о языке, престижность которого не подвергалась сомнению. И одновременно с этим значимым сопутствующим фактором оказались интенции регионалистов к поддержанию консолидированности и связанности регионального сообщества. Примеры Страны Басков и Галисии показывают, что успех формирования билингвального «режима объединения» обусловлен силой запроса на поддержку и защиту титульных языков в региональном сообществе, который, в свою очередь, связан с восприятием языка. Восприятие языка как непрестижного, маргинального и языка периферии не только внутри регионального сообщества, но и за его пределами, если не блокирует, то значительно ограничивает рост требований регионализма, основанных и/или включающих требования относительно статуса языка. И из всех случаев это особенно характерно для гальяго. Но при этом, успех языковой политики (если его рассматривать с точки зрения динамики доли носителей языка в сообществе) в случае Галисии все-таки отличается от Страны Басков, где ограничителем запроса на языковую политику в настоящее время выступает то, что эускера оказывается нефункциональным с точки зрения коммуникации за пределами региона. Конечно, баскский язык и баскская культура вполне могут быть знаменем и символом регионализма, использоваться для продвижения региона, как в целях политических, так и капитализации региональной экономики посредством развития инфраструктуры туризма. Но язык как инструмент коммуникации должен быть востребован реальными и потенциальными его носителями,ключенными в ежедневные практики общения, диалога, в том числе с представителями других культур. И здесь весомыми оказываются прагматические соображения. В случаях Галисии и особенно Страны Басков прагматика конфликтует с символикой, и в отличие от, например, Воеводины в Сербии не дополняют друг друга, легитимируя языковую политику. Видимо, поэтому баскские политики не эксплуатируют языковую повестку внутри региона. Однако, в случае с Галисией это объяснение не работает. Вероятно, это связано с таким корректирующим фактором как наличие условного родственного государства – Португалии, чей язык воспринимается как близкий, родственный гальяго. Это объяснение подтверждается и содержанием партийных программ. Вообще, само наличие родственного государства (реального или такого условного), даже если оно не активно в поддержке своей родственной группы (*kin-group*), важно потому, что носители языка, члены этнолингвистического меньшинства воспринимают себя не только как уникальную группу, но и как часть большего сообщества. За пределами их региона и страны есть те, кто близки и с кем

возможна коммуникация и культурный диалог на родном для обоих языке. И в этом проявляется, по-видимому, стимул артикулировать требования поддержки языка, оспаривать существующий статус, запускать политические споры о языке.

Сравнительный анализ трех испанских регионов показывает, что вариативность языковой политики обусловлена престижем языка в сообществе, а также силой манифестаций регионализма и даже сепаратизма, в основании которых лежат иные (не языковые) факторы, например, уровень экономического развития и связанные с этим претензии региона на большую экономическую, финансовую автономию. Именно пример Каталонии в наборе сравниваемых испанских автономий позволяет предположить, что вариативность региональных языковых режимов, а также изменение содержания языковых требований и соответствующих языковых решений и программ по поддержке языка связаны с вариативностью регионального политического контекста. Рост тенденций сепаратизма в Каталонии в 2000-х – 2010-х гг. стимулировал актуализацию языкового вопроса, а также переопределение языковой политики.

В шестой главе на примере Уэльса и Шотландии выявлена и объяснена роль агентских факторов вариативности языковой политики и языковых режимов, сложившихся в контексте деволюции. В первом параграфе шестой главы показано, что институционализация языковой политики в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии являлась частью большого деволюционного процесса, который имел региональные особенности, проявляющиеся как в причинах и факторах его обусловивших, так и в динамике, масштабе его развертывания. Для регионов Великобритании общим оказывается внешний контекст институционализации и реализации языковой политики (влияние ЕС) при разной этнолингвистической структуре регионов. В современной Британии сложился языковой «режим объединения» в формате функционального мультилингвизма, где английский является мажоритарным языком межэтнического общения (и его сила обеспечивается, в том числе и его международным статусом), а региональные языки признаются и поддерживаются на разных уровнях в разной степени. В чем-то ситуация в Соединенном Королевстве напоминает индийский случай: национальный языковой «режим объединения» включает разноформатные территориальные языковые режимы, наиболее интересным из которых оказывается валлийский случай билингвального языкового «режима объединения». При этом, ни один из региональных случаев, как и собственно британский казус в целом не могут быть примером политизации языка на современном этапе. В случае Уэльса – это пройденный этап, а в случае

Шотландии ни структурные факторы, ни современный политический контекст не способствуют развертыванию борьбы за язык.

Во втором параграфе шестой главы выявлены причины разницы в масштабе языковой политики в отношении валлийского языка в Уэльсе и языковой политики в отношении языка скотс или гэльского в Шотландии. Обнаружена связь отношения в сообществе к языку с эффектами структурных изменений в экономике Уэльса, что позволяет обсуждать опосредованное влияние структурных факторов на эффекты языковой политики: структурные изменения в экономике стимулировали запрос на иные профессии и виды профессиональной деятельности, где потенциальная востребованность знания двух и более языков оказывается конкурентным преимуществом. Последнее, в свою очередь, стимулировало запрос / спрос на билингвизм и востребованность поддерживающей региональный язык политики. Как следствие, языковая политика оказалась стимулирующей для регионализма и регионалистских требований в Уэльсе. Валлийцы к концу XX в. смогли (в отличие от шотландцев и жителей Северной Ирландии) сохранить свою самобытность, культуру и родной язык. Во многом это стало возможным благодаря активной позиции и участию интеллектуалов, преподавателей университетов, простых валлийцев, желающих сохранить свой язык, в обсуждении контуров языковой политики, мероприятиях по ее реализации. В Уэльсе фактически сформировалась ситуация общественного запроса на поддержку языка, который, в свою очередь, обусловил принятие политico-административных решений, способствовавших ревитализации валлийского языка и культуры. В Шотландии автохтонные языки защищаются в ситуации, когда общественный запрос на эту защиту и поддержку относителен. Случай Шотландии как противоположный Уэльсу позволяет подтвердить тезис о том, что в рамках одной страны принятие решений о поддержке языка на региональном уровне может стимулироваться решениями извне по отношению к региону. Речь идет о том, что вопрос о поддержке региональных языков в Шотландии стало возможным под влиянием примера и интересов Уэльса. Подписание и ратификации Британией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств стала естественным результатом языковой политики в Уэльсе. Как следствие, обязательства, которые на себя взяла страна, касались и языков других регионов. Это означает, что даже в условиях, когда титульная языковая группа составляет меньшинство, субъектом решения о ее поддержке является центральное правительство, мотивы которого обусловлены запросом на поддержку языка в другом регионе и/ или других (не обязательно автохтонных) групп, например, мигрантов.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, сформулированы обобщающие выводы, вытекающие из поставленной цели и задач, а также содержания исследовательской работы:

1. Языковой режим может рассматриваться как разновидность социального порядка, поскольку связан с языковой политикой не структурным, а каузальным образом и потому такая логика понимания сущности языкового режима позволяет считать его результатом воспроизведения многочисленных и нередко разнонаправленных коммуникативных действий, и взаимодействий, сопряженных с институционализацией и рациональной легитимацией практик и норм использования языка в сообществе. Легитимация, обеспечивая достижение и поддержание консенсуса, снижает степень конфликтности и даже блокирует конфликты в обществе. В таком случае наличие рутинизированных, привычных для членов сообщества правил и практик использования языка следует рассматривать как результат институционализации и реализации языковой политики. Возникновение ситуации оспаривания статуса языка свидетельствует о нарушении привычного порядка и является маркером включения языкового режима в политico-властные взаимодействия.

2. В ситуациях политики языка взаимообусловленными являются этнополитическая мобилизация и реализация политической (субъектной) воли. Этнополитическая мобилизация проявляется в росте артикуляции символического или прагматического запроса на изменение содержания и направленности языковой политики. В свою очередь, маркером реализации политической (субъектной) воли является принятие и реализация решений относительно языка, его статуса и прав носителей.

3. Типологическое различие языковых режимов на «языковой режим объединения» и «языковой режим разъединения» основано на предположении об имманентной связи первого из них с ситуациями функционального би(мульти)лингвизма, в которых сильный и активно используемый *lingua franca* играет исключительно интегрирующую для сообщества роль. Второй тип режима хотя и допускает воспроизведение языковой гетерогенности общества, но функционирует в формате территориально обособленных моноязычных сообществ, члены которых слабо или ограниченно используют язык общенационального общения на основных аrenaх общественного и межличностного взаимодействия.

4. Политико-институциональный дизайн сложноустроенных политий, базовыми элементами которого являются механизмы power-sharing (системы совместного осуществления власти) и институционализированная политика преференций, в том числе языковая политика, способствует формированию

языкового режима, отличающегося вертикально-структурированной композицией: территориальный языковой режим «вложен» в структуру национального языкового режима. При этом, связь их не носит вертикально-интегрированный характер, что обусловлено преимущественно позитивной по своему характеру языковой политикой. Сложность структурной композиции национального языкового режима поддерживает территориальную целостность политии.

5. Оба типа языковых режимов (и «режим объединения», и «режим разъединения») способны поддерживать/обеспечивать территориальную целостность политии. Значимым является то, как воспринимают язык в сообществе его носители, прежде всего, то, какую функцию выполняет языковая политика – символическую или прагматическую. Отказ от традиции и основанных на ней рутинизированных практик обеспечения прав миноритарных этноязыковых групп запускает и стимулирует политизацию языка. В условиях доминирующего символического отношения к языку в сообществе происходит формирование «языковых режимов разъединения». Прагматический по своему характеру запрос в большей степени способствует снижению уровня конфликтности при обсуждении языковых требований, достижению консенсуса и, как следствие, рутинизации языкового регулирования. Доминирование в сообществе прагматического запроса и восприятия языковых требований способствует формированию функциональных би-/ мультиязыковых режимов объединения.

6. Сравнительный анализ позволил выявить, что в разных страновых исторических и политico-институциональных контекстах обязательным (необходимым) для запуска институционализации позитивной языковой политики фактором является размер и доля группы-носителя языка. Однако, обязательный характер этого фактора не означает его достаточность. Вмешивающее, даже корректирующее влияние оказывают агентские факторы, проявляющиеся в структуре политических стимулов и мотивов, которые, которые, в свою очередь, определяют стратегии разнообразных субъектов и агентов языковой политики.

7. Сравнение выявило общую закономерность: актуализация политических задач, интенций и проектов, носителями которых могут быть как региональные, так и национальные элиты, корректируют доминирующее влияние структурного фактора в любых политico-институциональных и исторических контекстах. Речь идет о сепаратистских проектах, задачах разрешения этнополитических конфликтов, решении геополитических задач и задач, связанных с повышением / изменением политico-институционального устройства и/или политического статуса региона / территории.

8. Языковая политика имеет более комплексный характер, а ее масштаб является более значительным при условии наличия у лидеров этнополитической мобилизации арен артикуляции требований и ресурсов их поддержки. Речь идет, во-первых, о политических партиях. Это означает, что важно как наличие политико-институциональных условий для регионализации партийной системы, так и готовность региональных партий и их лидеров создавать электоральные альянсы, вступать в коалиционные соглашения не только по языковому вопросу, но по широкому спектру иных важных для сообщества вопросов региональной повестки. Во-вторых, важно наличие некоммерческих неполитических общественных организаций и структур, а также лидеров общественного мнения, работающих на местах с общественным мнением – учительских сообществ и профсоюзов, университетских сообществ, служителей культа, родительских комитетов, журналистов. Здесь мы выходим на проблему характеристик гражданского общества, его активности и субъектности. Традиции низовых инициатив по разным вопросам в случае актуализации споров о языке создают благоприятные условия для формирования сетей поддержки и усиливают этнополитическую мобилизацию, формируя необходимый запрос снизу. В-третьих, важным является как давление и поддержка извне со стороны международных институтов и/или родственного государства, так и влияние государственной традиции регулирования языкового вопроса. Последняя рассматривается в сообществе как обязательная, неоспоримая норма, наличие которой воспринимается в качестве маркера его демократичности. Это обеспечивает легитимацию политических режимов и правительств, поддерживает баланс в центр-региональных отношениях и межэтнических коммуникациях и работает на пространственную связность общества и устойчивость политики.

Приложения содержат визуальный материал (карты) и агрегированные в таблицы и графику статистические данные о практиках использования и распространения языков в сообществах.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии и глава в монографии:

- 1) *Борисова Н.В.* Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях / Н. В. Борисова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 189 с. – (Политология России) (12 п.л.)
- 2) *Борисова Н.В., Бородина Л.С.* Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса / дисбаланса в межэтнических отношениях // Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П.В. Панова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 164 -181. (1 п.л.) (вклад автора – 80%)

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, в т.ч. входящих в зарубежные базы цитирования SCOPUS или Web of Science:

- 1) *Борисова Н.В.* Языковая преференциальная политика в этнических территориальных автономиях: контуры исследовательской модели // Власть. – 2016. – № 12. С. 98-103. (0,4 п.л.)
- 2) *Борисова Н.В.* Языковой территориальный режим: концептуализация понятия // Ars Administrandi. – 2016. – № 3. С. 5-16. (0,8 п.л.)
- 3) *Борисова Н.В.* Языковые территориальные режимы в этнических федерациях // Вестник Пермского университета. Политология. – 2016. – № 4. С. 98-102 (1 п.л.)
- 4) *Борисова Н.В., Бородина Л.С.* Борьба за язык и языковая преференциальная политика как факторы этнополитической конфликтности в современной Индии // Ars Administrandi. – 2016. – № 4. С. 95-113. (1,3 п.л.) (вклад автора – 70%)
- 5) *Борисова Н.В., Минаева Э.Ю.* Консультативно-совещательные органы в сфере межнациональных отношений: проблема представительства этнических групп на региональном уровне в России // Вестник Пермского университета. Политология. – 2016. – № 4. С. 68-179. (0,6 п.л.) (вклад автора – 50%)
- 6) *Борисова Н.В.* Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 9. С. 67-75. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75 (SCOPUS) (1 п.л.)

- 7) Борисова Н.В. «Языковой режим разъединения и баланс в межэтнических отношениях в Боснии и Герцеговине // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 3. С. 79-92. (1 п.л.)
- 8) Борисова Н.В. Этнолингвистическая структура общества как фактор языковой преференциальной политики в Индии. // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – № 2. С. 48-67. (1 п.л.)
- 9) Борисова Н.В. «Сила» территориальной автономии и языковая преференциальная политика в современном мире // Сравнительная политика. – 2018. – № 2. – С. 62-82. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-62-82 (Web of Science) (1 п.л.)
- 10) Борисова Н.В., Филиппова Е.Ю. Политика языка в контексте электоральной борьбы в Каталонии. // ПОЛИС. Политические исследования. – 2019. – № 3. С. 145-156. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.09 (SCOPUS) (1 п.л.) (вклад автора – 50%)
- 11) Борисова Н.В. Борьба за язык и институционализация языковой преференциальной политики в Уэльсе // Современная Европа. – 2019. – № 2. С. 84-94. DOI: 10.15211/soveurope220198494 (Web of Science) (0,9 п.л.)
- 12) Борисова Н.В. Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных // Вестник Пермского университета. Политология. – 2019. – Т. 13. – № 3. С. 99-110. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-99-110 (1 п.л.)
- 13) Борисова Н.В. От языковой политики к языковому режиму: концептуально-эмпирические возможности // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13. №4. С. 91-102. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-91-102 (1 п.л.)
- 14) Борисова Н.В. Судьба «Неэтнического регионализма» и языковые требования в регионалистской повестке: Воеводина и Истria в сравнительной перспективе. // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. – Т. 14. – №1. С. 40-53. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-40-53 (1 п.л.)
- 15) Борисова Н.В. Вопрос о языке в полигетнических регионах России: конфликтогенный потенциал и вариативность реализации языковой политики // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. – Т. 14. – №4. С. 50-61. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-50-61(1 п.л.)
- 16) Борисова Н.В. Маркеры политической субъектности регионов стран Европы в контексте многоуровневого управления // Ars Administrandi. 2020. Т. 12. №4. С. 541-555. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-4-541-555 (0,8 п.л.)

Научная статья, опубликованная в зарубежном издании, входящем в международные базы цитирования SCOPUS и Web of Science (Q1)

- 1) *Borisova N., Sulimov K.* Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // Nationalities Papers. – 2018. – Vol. 46. – Issue 3. P. 358–373 DOI: 10.1080/00905992.2017.1351938 (SCOPUS) (2 п.л.) (вклад автора – 50%)

Публикации в иных изданиях:

- 1) *Borisova N.* Language policies and language regimes. In: International Centre for Ethnic and Linguistic Diversity Studies. URL: <https://www.icelds.org/2018/02/20/language-policies-and-language-regimes/> (accessed: 09.03.2020) (0,5 п.л.)
- 2) *Борисова Н.В.* Агентские факторы языковой политики в современной России / Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции РАПН, Москва, 6-7 декабря 2019 г. М.: Аспект Пресс, 2018. С.76. (0,2 п.л.)
- 3) *Борисова Н.В.* Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России / Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6-8 декабря 2018 г. М.: Аспект Пресс, 2018. С.85-86. (0,1 п.л.)
- 4) *Борисова Н.В., Бородина Л.С., Сулимов К.А.* «Шашечки или ехать?»: языковая политика в сложносоставных обществах // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Международной научно-практической конференции (Пермь, 13 ноября 2015 г.). – Пермь: АНО ВПО «Прикамский социальный институт», 2015. С.372-382. (вклад автора – 40%) (0,8 п.л.)
- 5) *Борисова Н.В., Сулимов К.А.* Вариативность языковой преференциальной политики в сфере образования в республиках России: ресурсные ограничения и агентские стимулы // Вопросы этнополитики. – 2019. – № 3. – С. 62-74. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-62-74. (вклад автора – 70%) (1 п.л.)
- 6) *Борисова Н. В.* Право на родной язык в полигэтнических регионах современной России: требовать нельзя согласиться? / Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020 г. / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Сморгунова Л.В., Тимофеевой Л.Н. - М.: Изд. МПГУ, 2020. С.101-102 (0,1 п.л.)

7) Языковая политика в регионах современной России: ресурсные возможности, общественный запрос и политические ограничения // Социо- и психолингвистические исследования. –2020. – № 8. С. 7-17 (1 п.л.)

Подписано в печать ___.07.2021 г.
Формат 60x84^{1/16}. Печать цифровая.
Усл. печ. ____ л. Печ. ____ л. Тираж 120 экз. Заказ № ____.
Отпечатано с готового оригинал-макета
Типография Пермского государственного национального
исследовательского университета